

Литургическое богословие

Богословие литургическое считается сравнительно новой наукой. Сперва оно возникло на Западе в связи с литургическим движением, которое было вызвано глубоким интересом к литургической традиции Православной Церкви¹. Труды православных авторов по литургическому богословию стали появляться в первой половине XX в. Зачинателями в этой области были русские богословы в эмиграции², которые начали работать над систематизацией «богословских идей, заключающихся в нашем богослужении»³.

Столь позднее появление литургического богословия как науки вовсе не означает, что истолкованием богослужения и раскрытием его смысла и значения никто до этого времени не занимался. Не говоря о плеяде литургистов, которые специально занимались изучением православного богослужения, о пастырях Церкви, которые в беседах изъясняли богослужебные тексты в назидательных целях, и даже о святоотеческих творениях, донесших до наших дней литургические традиции Древней Церкви, мы должны признать, что сама литургическая жизнь Церкви с апостольской эпохи хранит в себе основы того, исследованием чего занимаются литургисты.

Церковь Христова как *столп и утверждение истины* (1 Тим. 3, 15), как *полнота Наполняющего все во всем* (Еф. 1, 23) с самого начала своего бытия содержит в себе все необходимое для осуществления своей благодатной миссии в мире сем. Но богатое сокровище, вверенное Церкви ее Божественным Основателем, не оставалось в ней бездейственным. Посредством благовестия свв. Апостолов (Мф. 28, 19–20) и проповеди их преемников Церковь возвещала, во что и как она верует, «каков смысл и содержание вверенных ей истин Откровения»⁴. Это в одинаковой степени относится и к миссионерской деятельности Церкви (Мф. 28, 19), и

¹ Шмеман А., прот. Введение в литургическое богословие. Париж, 1961. С. 22–23.

² Киприан (Керн), иером. Крины молитвенные. Сборник статей по литургическому богословию. Белград, 1928. С. 1.

³ Киприан (Керн), архим. Литургика. Гимнография и эортология. М., 1997. С. 11.

⁴ Сагарда Н. И., проф. Древнецерковная богословская наука на греческом Востоке в период расцвета (IV–V вв.). СПб., 1910. С. 5.

к устроению ее внутренней жизни (Мф. 28, 20). Иными словами, важнейшей задачей Церкви является призыв к воспринявшим возведенные истины веры соделать последние правилом жизни своей. О том же говорит и св. ап. Павел, указывая, что Господь установил различные служения для созидания Тела Христова, доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова (Еф. 4, 12–13).

Созидание Тела, Глава Которого есть Христос, совершается не одним только благовестием, принятие которого полагает начало новой жизни уверовавших, жизни во Христе и со Христом. Чтобы быть живыми членами Тела Христова – Церкви, надлежит быть в тесном общении со Христом (Ин. 15, 1–5) и от Его полноты почерпать благодать на благодать (Ин. 1, 16).

Созидание, о котором говорит св. Апостол, является непрерывным процессом, представляющим взаимодействие людей и все возвращающей силы Божией (1 Кор. 3, 5–9). И только при условии тесного и согласного соработничества Богу можно становиться жилищем Духа Божия, святым храмом Божиим (1 Кор. 3, 16).

Средоточием этого благодатного процесса является богослужение, особенно Святая Евхаристия, которую именуют вечной актуализацией Церкви как Тела Христова¹, а непосредственное активное участие в ней – проявлением подлинной евхаристической жизни².

Святая Евхаристия, будучи «Таинством Таинств»³, за простым внешним ритуалом сокрывает свой таинственный смысл. В своем учении о Евхаристии св. ап. Павел ясно говорит о том, что ее участники смерть Господню возвещают до Второго пришествия (1 Кор. 11, 23–29). Таким образом, апостольское благовестие о Евхаристии сочетается с раскрытием значения крестной смерти Христовой, которая была предсказана пророчествами и прообразами. Это особенно явствует из апостольского учения о Христе как Первосвященнике по чину Мелхиседека (Евр. 5, 5–10; 7, 15–28 и др.), Который однажды вошел во святилище и приобрел вечное искупление Своею Кровию, *принеся Себя в жертву, чтобы поднять грехи многих* (Евр. 9, 12, 28). И потому служение в святилище земном – ветхозаветной скинии – является лишь образом небесного – совершеннейшей нерукотворной скинии, войдя в которую Христос уничтожил грех жертвою Своею (Евр. 9, 1–11, 24–26). Рядом с этим также стоит образ Христа как пасхального агнца, *ибо, – говорит Апостол, – Пасха наша, Христос, заклан за нас* (1 Кор. 5, 7).

¹ Шмеман А., прот. Указ. соч. С. 32.

² Киприан (Керн), архим. Евхаристия. Париж, 1947. С. 28.

³ Св. Дионисий Ареопагит. О церковной иерархии. Гл. 3, 1.

Естественно, что апостольский взгляд на Евхаристию и связанное с нею учение воспринимались христианами должным образом и служили импульсом для развития евхаристического богословия, на что указывает утверждение св. Ириней Лионского о том, что христианское учение согласно с Евхаристией, а Евхаристия подтверждает учение¹. Правда, существовавшее в Древней Церкви требование сохранять учение втайне не позволяло делать его доступным даже для оглашенных. Поэтому в писаниях древних учителей Церкви (II–III вв.), таких, как свв. Игнатий Богоносец, Иустин Философ, Ириней Лионский, Ипполит Римский, Киприан Карфагенский и др., уделяется не так много места разъяснению богослужения.

Определенный вклад в развитие литургической мысли был сделан св. Кириллом Иерусалимским († 386), который в своих тайноводственных поучениях раскрывает внутренний смысл и символическое значение священнодействий чина оглашения и Таинств Крещения, Миропомазания и Евхаристии². Особым символизмом отличается книга «О небесной иерархии», которая надписывается именем св. Дионисия Ареопагита. В ней разъясняются «тайнодействия» и «созерцательная сторона» Крещения, Литургии, освящения Мира, Хиротонии, монашеского посвящения» и богослужения, совершаемого «над благочестиво усопшими»³. Символическое объяснение богослужений содержится также в литургических творениях св. Софрония, патр. Иерусалимского (VII в.)⁴, прп. Максима Исповедника († 662)⁵, св. Германа, патр. Константинопольского († 740)⁶, Николая Кавасилы, архиеп. Фессалоникийского († 1371)⁷, блж. Симеона, архиеп. Фессалоникийского († 1429)⁸.

Эти творения были известны русскому читателю в славянских переводах и поставляли обильный материал для составления книг о богослужении с назидательной целью. Наши ученые приложили много старания, чтобы перевести их на русский язык по лучшим оригинальным текстам и использовать их для своих литургических

¹ *Св. Ириней Лионский*. Против ересей. Кн. IV, гл. 18, 5.

² *Св. Кирилл Иерусалимский*. Творения. Изд. 2. С. Посад, 1893.

³ Писания св. отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Т. 1. СПб., 1855. С. 3–260.

⁴ Там же. С. 265–291 («О божественном священнодействии»).

⁵ Там же. С. 293–354 («Тайноводство»).

⁶ Там же. С. 375–426 («Последовательное изложение церковных служб и обрядов и таинственное умозрение об их значении»).

⁷ Писания св. отцов... Т. 3. СПб., 1857. С. 291–426 («Изъяснение Божественной Литургии»).

⁸ Писания св. отцов... Т. 2. СПб., 1856. С. 11–545, I–XI («Разговор о святых священнодействиях и таинствах церковных»); Т. 3. СПб. С. 5–186 («Толкование» о храме, священнослужителях, священных одеждах и священнодействиях).

трудов. Правда, авторы первых серьезных работ по литургики были написаны по славянским переводам и на славянском языке. К их числу относится труд митр. Гавриила (Петрова) «О служении и чинопоследованиях Православной греко-российской Церкви», появившийся в 1792 г. В предисловии автор говорит, что он будет руководствоваться историческими свидетельствами о церковных «чиноположениях», а интересующихся «аллегорическими размышлениями» он отсылает к творениям блж. Симеона, св. патр. Германа и к другим «подобного содержания сочинениям»¹. Архиеп. Вениамин (Румовский), наоборот, на основании именно этих творений весьма подробно изъясняет богослужение, что видно из его «Новой скрижали»². Этот труд оказался весьма популярным. Пользуясь большим спросом в течение столетия, он выдержал 9 изданий на славянском языке и столько же изданий в русском переводе.

В 1804 г. был издан замечательный для своего времени научный труд под названием «Историческое, догматическое и таинственное изъяснение Божественной литургии», автором которого является выпускник Московской Духовной академии, преподаватель греческого и латинского языков в Московском университете И. Дмитриевский³. «Изъяснение», состоящее из трех частей, предваряется обширным «Предуведомлением» и «Введением в Божественную литургию». Само наименование труда указывает на три аспекта в изложении литургического материала, которых придерживается автор в своем исследовании.

В XIX в. для нужд Духовной школы создаются основательно разработанные курсы по литургики. Среди них можно отметить работу прот. Д. Смолодовича – «Литургика, или наука о богослужении» (К., 1861)⁴, в которой говорится об истории богослужения, о священнослужителях, о книгах, суточных службах, службах минейных и триодных, о всех таинствах и некоторых чинах (венчания на царство, освящения храмов, пострижения в монашество и др.). Судя по объему курса, можно думать, что программа по литургики была обширной, и поэтому автору приходилось говорить обо всем, но сжато.

¹Труд митр. Гавриила был переиздан в 1826 г. Киево-Печерской Лаврой (177 листов).

²Первое издание в 4-х частях вышло в 1803 г. на слав. яз. в Москве. В 1909 г. в С.-Петербурге этот труд был издан в 18-й раз (9-е издание на рус. яз.). Проф. Голубцов А. называет «Новую скрижаль» книгой классической для своего времени. См. Из чтений по археологии и литургики. Ч. 2. С. Посад, 1918. С. 3.

³В 1894 г. этот труд вышел вторым изданием. Сочинение снабжено подробными подстрочными примечаниями и многочисленными ссылками на святоотеческие творения и др. источники.

⁴В 1869 г. в Киеве вышло 4-е изд. (III, 331 с.).

Значительно большей полнотой отличается учебник, составленный архим. Гавриилом (Голосовым) – «Руководство по литургике, или наука о православном богослужении» (Тверь, 1886, 581 с.), но и здесь ощущается недостаток исторических экскурсов и богословского синтеза. Главную задачу литургики автор видит в изъяснении состава и содержания всех видов богослужения. Он также считает, что не следует оставлять без объяснения церковных служб «в смысле созерцательном, прообразовательном, духовном и таинственном», а также догматическом и нравственном. Кроме того, по его мнению, исследования о богослужении должны основываться на исторических данных¹. Однако рамки семинарской программы не позволили ему последовательно выполнить эти требования.

Во второй половине XIX в. русские литургисты все чаще настаивают на необходимости исторического изучения богослужения. Об этом, в частности, говорил архиеп. Филарет (Гумилевский), подчеркивая важность исторических данных для литургических исследований². Проф. А. Катанский также пользовался историческим методом в своем «Очерке по истории литургии», где он прослеживает развитие этого богослужения с I по XIV вв., основываясь на исторических свидетельствах³.

Но «принципиальным реформатором литургики» и «фактическим основоположником ее научного бытия» считают ученика Катанского, проф. И. Д. Мансветова⁴, который, по словам проф. Глубоковского, «прочно аргументировал, что в литургических разысканиях надо выходить к первоначальному зерну, из которого постепенно развивалась вся дальнейшая богослужбная система то органическим возрастаянием по внутренним импульсам, то механическим напластованием по случайным внешним причинам»⁵. Его перу принадлежит капитальный научный труд «Церковный устав (Типик.). Его образование и судьба в Греческой и Русской Церквах» (М. 1885, 448), в котором сочетается «детальный анализ с широким синтезом»⁶. Проф. А. А. Дмитриевский в своей рецензии на эту работу отметил, что будущий исследователь устава обязан считаться с нею, как с первой в ис-

¹ *Архим. Гавриил*. Руководство по литургике. С. 14–15.

² *Филарет, архиеп.* Исторический обзор песнописцев и песнопений Греческой Церкви. Чернигов, 1864. С. 5.

³ *Катанский А., проф.* Очерк истории Литургии нашей Православной Церкви. СПб., 1868. С. 13–90.

⁴ *Глубоковский Н. Н., проф.* Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. Варшава, 1928. С. 64.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 65.

тории последнего и «не лишенною весьма серьезных достоинств¹».

Работа Мансветова по изучению литургических источников и их систематической обработке нашла достойного продолжателя в лице другого специалиста в области литургики проф. Н. Ф. Красносельцева, оставившего после себя ценный научный вклад².

Особенно прославился своими трудами по исторической литургики ученик Красносельцева А. А. Дмитриевский, который под руководством первого написал кандидатскую работу «Богослужение в Русской Церкви в XVI в.», а затем (в 1882 г.) и магистерскую диссертацию на ту же тему³. Предприняв научные путешествия на Афон (1886 г.) и в другие места (1887–88 гг.), Дмитриевский собрал богатейший рукописный материал, который лег в основу его громадного научного труда по описанию и изучению литургических манускриптов⁴. Подготавливая свой труд к изданию, А. А. Дмитриевский с неутомимой энергией продолжает научные поездки в каникулярное время для работы над рукописями в книгохранилищах Афона, Патмоса, Константинополя, Афин, Рима и др. Одновременно он знакомится со службами в храмах на св. местах, о чем пишет очерки, имеющие не только познавательную, но и научную ценность⁵.

Неутомимый труженик на ниве исторической литургики, проф. Дмитриевский своим энтузиазмом вдохновлял многих своих последователей. У него было немало учеников, которые под его руководством писали кандидатские работы⁶. Среди них – проф.

¹ *Дмитриевский А. А., проф.* Церковный устав (Типик). Отзыв на труд Мансветова. СПб., 1888. С. 96 (Оттиск из Христ. Чт. № 9–10. С. 480–576).

² *Глубоковский Н. Н.* Указ. соч. С. 65. В частности, Красносельцев является автором таких трудов, как «Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки» (Казань, 1885. IV. 375 с.), «Типик церкви св. Софии в Константинополе» (IX в.). Одесса, 1892. 101 с. О других многочисленных научных трудах, в том числе и по литургики, сообщается в сборнике, посвященном его памяти: «Поминки по Н. Ф. Красносельцеве († 11. IX. 1898). Одесса, 1899.

³ Богослужение в Русской Церкви в XVI в. Ч. 1. Службы круга седмичного и годичного и чинопоследования таинств. Историко-археологическое исследование. Казань, 1884.

⁴ *Дмитриевский А.* Путешествие на Восток и его научные результаты (в ТКДА за 1889–1890 гг.; отд. изд. К., 1890. 193. IV с.). Его докторская диссертация «Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока» издавалась с большими затруднениями: Т. I. К., 1895; Т. II. К., 1901, а Т. III только в 1917 г. Собранный материал позволял продолжить издание. Дмитриевский подготовил IV и V тома, но им не суждено было увидеть свет. См.: *Б. И. Сове.* Русский Гоар и его школа. БТ 4. С. 59.

⁵ Большинство этих очерков издано в 1907–1915 гг. в СПб. Они касаются главным образом совершения богослужения в двенадцатые праздники Рождества Христова, Сретения Господня, Богоявления, Преображения, Вознесения и др.

⁶ Список учеников приводит Б. И. Сове в своем очерке. БТ 4.

прот. М. Лисицын, прот. М. Прилуцкий, который был и его преемником на кафедре литургики в Киевской Духовной академии (1908–1912 гг.) и др.¹

Большой вклад в литургическую науку внесли также проф. И. А. Карабинов и прот. К. Кекелидзе².

Особое место в истории литургики занимает проф. Киевской Духовной академии И. Н. Скабалланович. В своей докторской диссертации «Толковый Типикон» он детально рассмотрел все части богослужения от их возникновения до нашего времени, дав им «исчерпывающее историко-критическое освещение»³. «Толковый Типикон» был издан в трех выпусках, которые последовательно выходили в 1910, 1913 и в 1915 гг. Затем стала издаваться серия его очерков под общим названием «Христианские праздники»⁴. В каждой книге этого издания даются история праздника, объяснение стихир, канонов и др. частей службы. Все это сопровождается обильными примечаниями со ссылками на источники. Было выпущено всего шесть книг, в которых рассмотрены три Господских и три Богородичных праздника. Серия эта осталась незавершенной. И только через восемь десятилетий появилась работа о празднике Сретения Господня, которая в какой-то степени продолжает замысел Скабаллановича⁵.

После некоторого перерыва, связанного с уходом из Киевской академии, Дмитриевский вернулся к преподаванию литургики в качестве профессора Петроградского Богословского института.

¹ *Б. И. Сове*. Указ. соч. С. 73–81.

² *Кекелидзе К., прот.* К вопросу празднования Рождества Христова в Древней Церкви. К., 1905; Иерусалимский канонарь VI в. (грузинская версия). Тифлис, 1912 и др. труды. *Карабинов И. А., проф.* Евхаристическая молитва (Анафора). Опыт историко-литургического анализа. СПб., 1908. Архим. Киприан говорит, что «работы проф. Лисицына по истории славяно-русского Типикона, прот. Кекелидзе по грузинским литургическим памятникам, Карабинова по истории Постной Триоди и Евхаристической молитвы до сих пор считаются лучшими трудами в этих областях». См.: Литургия. Гимнография и эртологи. М., 1997. С. 15.

³ *Архим. Киприан (Керн)*. Литургия. С. 16.

⁴ Первая книга из этой серии – «Рождество Пресвятой Богородицы» вышла в 1915-м; в том же году кн. 2 – о празднике Воздвижения; в 1916 г. вышли кн. 3–6 соответственно о праздниках Введения, Рождества Христова, Пятидесятницы и Успения. Общая характеристика дана архим. Киприаном (Керном). См.: Литургия. С. 16, 17.

⁵ *Рубан Ю. И.* Сретение Господне. Опыт историко-литургического исследования. СПб., 1994. 215 с. В отличие от Скабаллановича, который в своих выпусках главное внимание уделял разъяснению богослужебных текстов праздника, автор данного опыта делает акцент на научно-историческом аспекте (см. С. 9 примеч.), а содержание богослужения им рассматривается в приложении 2 (С. 119–143). Работа написана по первоисточникам на должном научном уровне с критическим подходом к используемому материалу. К каждой из трех глав дан подробный научный комментарий.

Среди студентов, интересовавшихся этой наукой, был и Н. Успенский, который под руководством Дмитриевского написал кандидатскую работу о происхождении всенощного бдения¹. Возглавив кафедру литургики в Ленинградской Духовной академии, Н. Д. Успенский явился продолжателем дела Дмитриевского. Его магистерская диссертация о чине всенощного бдения свидетельствует о том, что он стоит на таких же научных позициях, какие отстаивал его учитель². Его исследовательские интересы воплотились в ряд публикаций в «Богословских трудах». Наиболее значительные из них касаются вечерни, всенощного бдения, Литургии³.

Подобно своему учителю, проф. Успенский руководил работами своих учеников, которые должны были использовать рукописные источники⁴.

Одновременно, по согласованию с ним, в семидесятые годы лекции по литургике читал иером. Михаил Аранц, который защитил магистерскую диссертацию на тему «Богослужение часов по древним спискам Византийского Евхология» (Л., 1975, 325 с. машиноп.). На древних византийских рукописях основывались и его лекции по истории Типикона, историческому развитию Литургии, чинопоследованиям Таинств, суточному кругу богослужений⁵.

Из этого краткого исторического экскурса видно, что русские литургисты, трудившиеся во второй половине XIX – начале XX вв., заложили прочный фундамент в развитие православной ли-

¹ *Б. И. Сове*. Указ. соч. С. 77, примеч. Сохранился отзыв А. А. Дмитриевского на эту диссертацию. Л., б/г. 8 с. Машинопись.

² *Успенский Н. Д., проф.* Чин всенощного бдения (агриппния) в Греческой и Русской Церкви. Л., 1948. LXXXII, 902 с. Машинопись. Оценка трудов Н. Д. Успенского дана в БТ, 13 (1975): *П. Уржумцев*. Профессор Н. Д. Успенский (к 50-летию юбилею научной деятельности), С. 8–19; *П. Дудинов*. Список трудов Н. Д. Успенского. С. 20–25; *Н. Иванов*. Музыкаведческая деятельность Н. Д. Успенского. С. 26–39.

³ Православная вечерня (историко-литургический очерк). БТ, 1. М., 1960. С. 5–54; Анафора (опыт историко-литургического анализа). БТ, 13 (1975). С. 40–147; Литургия Преждеосвященных Даров (историко-литургический очерк), БТ, 15. С. 146–184; Чин всенощного бдения на православном Востоке и в Русской Церкви. БТ 18. С. 5–117; БТ 19. С. 3–70; Византийская литургия (историко-литургическое исследование). БТ 21. С. 5–53; БТ 22. С. 68–114; БТ 23. С. 5–58; БТ 24. С. 5–45; БТ 26. С. 5–17.

⁴ О диссертантах, работавших под руководством Н. Д. Успенского, сведения даны в очерке П. Уржумцева, который был одним из них (БТ 13).

⁵ История Типикона. Рим. 1978, 112 с.; Историческое развитие Божественной Литургии. Рим. 1978, С. 120; Исторические заметки о чинопоследованиях Таинств по рукописям греческого Евхология. Л., 1979. 191 с.; Как молились древние византийцы. 1979. 309 с. Впоследствии были изданы и другие литургические работы иером. Михаила Аранца, в частности, Евхаристия Востока и Запада. Рим. 1998. 243 с.; Крещение и Миропомазание – Таинства Византийского Евхология. Рим. 1998. 212 с.

тургической науки. Собранные ими в изобилии богослужебные источники предоставили возможность научных исследований не только им самим, но и всем желающим углубиться в изучение богослужебных чинопоследований. По словам прот. А. Шмемана, своими трудами они расчистили дорогу «к подлинному литургическому богословию... к возрастанию литургики в подлинно богословскую дисциплину»¹.

Литургическое богословие должно заниматься раскрытием богословского смысла богослужения. Правда, литургика в общем всегда стремилась объяснить богослужение, но нередко это ограничивалось символизмом², или «ритуалистическим подходом»³. «Поэтому задача литургического богословия, – по утверждению прот. А. Шмемана, состоит в том, чтобы дать объяснению богослужения и всего литургического предания Церкви богословский статут. Это значит, поясняет он, во-первых, найти и определить понятия и категории, которые способны выразить по возможности полно сущность литургического опыта Церкви; во-вторых, связать их с той системой понятий, которой богословие истолковывает веру и учение Церкви; и, наконец, в-третьих, отдельные данные литургического опыта представить как связное целое, как в конечном итоге «закон молитвы», сопринципальный Церкви и определяющий «Закон веры»⁴.

Для решения этой задачи требуется соответствующий метод, который состоит в том, что литургист начинает с исторического изучения богослужения и, базируясь на нем, уясняет его развитие и его общий смысл. Вот почему так важен вклад наших литургистов исторического направления, представивших в своих работах скрупулезный исторический анализ, на основе которого можно прийти к богословскому синтезу – главной части литургического богословия⁵.

Впрочем, такой синтез имеет место и в трудах упомянутых выше литургистов. Это признает иером. Киприан (Керн), когда в начале сборника своих статей по литургическому богословию говорит, что до него в этой области трудились М. Скабалланович, Дмитриевский и др. авторы⁶. Так что на основании этого суждения начало литургического богословия надлежит отнести ко времени появления трудов этих авторов, то есть к XIX в. Но ни архим. Киприан, ни прот. А. Шмеман, которые известны своими

¹ Шмеман А., прот. Указ. соч. С. 19.

² Там же. С. 24.

³ Архим. Киприан. Литургия. С. 7–8.

⁴ Шмеман А., прот. Указ. соч. С. 24–25.

⁵ Там же. С. 27–29.

⁶ Крины молитвенные. С. IV–V.

работами в данной области, не называют точную «дату рождения» литургического богословия как самостоятельной науки. Оба этих богослова, тем не менее, сделали очень много для того, чтобы на Западе вызвать и поддерживать интерес к православному богослужению.

«Крины молитвенные» первого из них дают толкование седмичного круга служб. Кроме того, здесь имеются три статьи по отдельным вопросам, которые освещаются на основе литургического материала. Он написал также ряд очерков о Литургии¹. Патролог и литургист архим. Киприан органично сочетает изучение святоотеческого наследия, выраженного в богословских творениях и в богослужебных текстах. Его лекции в Православном Богословском институте в Париже полны ссылок на творения свв. отцов и на церковные службы. Это, в частности, характерно для его лекций, которые он подготовил к печати еще в 1945 г. (были опубликованы лишь в 1964 г., через 4 года после его смерти) под названием «Литургика. Гимнография и эортология». Здесь, указывая на цель литургических исследований, автор говорит, что в круг предметов, подлежащих систематизации богословских идей, входит все заключающееся в «церковных песнопениях, иконографических композициях, последовании праздников, таинств и вообще во всем церковно-служебном обиходе»². Особое внимание в своих лекциях он уделял Литургии. Курс лекций по этой теме лег в основу его большого труда, подготовленного к печати в 1946 г. и изданного в 1947 г. под названием «Евхаристия». Сам автор отмечает, что его труд «представляет собою историческое, богословское и практическое истолкование Божественной литургии», каковое в свое время предпринял И. Дмитриевский³. Так же, как и данный литургист, архим. Киприан пользовался толкованиями преп. Максима, патр. Германа, Николая Кавасилы и Симеона Солунского. Но при решении спорных научных вопросов он старался «искать ответа у всех литургических и исторических авторитетов без различия их конфессиональной принадлежности»⁴, что подтверждается большим списком использованных им работ⁵. Труд состоит из двух отделов: в первом дается история Литургии и описание ее типов, а во втором – ее объяснение с практическими указаниями и богословским истол-

¹ «Епиклезис в александрийских Литургиях». Белград, 1932. 48 с.; «Епиклезис первых христианских Литургий». Белград, 1932. 36 с.; «Епиклезис в византийских Литургиях». Скопле, 1939. 39 с.

² Архим. Киприан. Литургика. С. 11.

³ Архим. Киприан. Евхаристия. С. 21.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Библиография. С. 5–19.

кованием. Цель последних – раскрыть учение о Евхаристии как таинстве, как жертве и как великом символическом действии¹.

Любовь к богослужению и глубокая евхаристичность, присущая архим. Киприану², очевидно, вдохновила одного из его учеников заняться изучением литургических проблем. В результате появился посвященный его памяти труд прот. А. Шмемана «Введение в литургическое богословие»³, в котором последний говорит сначала о задаче и методе этой науки, а затем останавливает свое внимание на проблемах Устава, его происхождения и развития вплоть до времени «византийского синтеза». Пользуясь работами русских литургистов, а также многочисленными трудами западных авторов, изданных в 40-е и 50-е годы XX в., автор высказывает свое собственное (порой весьма смелое) мнение по этим проблемам. Правда, в своих окончательных выводах он осторожен и допускает иной взгляд на путь литургического развития и обнаруживает открытость к дискуссии⁴.

Этот труд заслуживает большего внимания, чем можно ему уделить в данном кратком и беглом обзоре. Тем более, что необходимо коснуться и других его литургических работ. Одна из них рассматривает Таинство Крещения⁵. В ней автор справедливо сетует на то, что это Таинство перестало быть делом всей общины, каковым оно было в древности⁶. Он считает, что это стало результатом утраты понимания Крещения «как личной Пасхи и личной Пятидесятницы человека, как вступления в народ Божий...»⁷ Поэтому своей целью в данной работе прот. А. Шмеман ставит раскрытие «первоначальной литургической связи между Пасхой и Крещением»⁸, между Крещением и Евхаристией⁹, участвуя в которой новокрещенный присоединяется к общине, становясь членом единой братской семьи¹⁰.

С таким же искренним желанием раскрыть подлинный смысл церковных служб написана и его небольшая работа «Великий

¹ Там же. С. 339, ср. С. 167–168, 25–29.

² Сидоров А. И. Архим. Киприан Керн и традиция православного изучения поздневизантийского исихазма. Вступит. статья к труду архим. Киприана «Антропология св. Григория Паламы». М., 1996. С. 10.

³ Труд этот был представлен как докторская диссертация в 1959 г. Издан в Париже в 1961 г. (247 с.).

⁴ Как на пример такой позиции прот. А. Шмемана можно сослаться на его суждения в заключительной части этого труда. С. 238–247.

⁵ Шмеман А., прот. Водю и Духом. О таинстве крещения. М., 1993. С. 224.

⁶ Там же. С. 7.

⁷ Там же. С. 10.

⁸ Там же. С. 13, 143–146 и др.

⁹ Там же. С. 152–155.

¹⁰ Там же. С. 155–156.

пост»¹, в который на основании текста великопостных богослужений раскрывается глубокий смысл Поста и его значение в духовной жизни христиан.

Последние восемь лет своей жизни прот. А. Шмеман († 1983) работал над большим трудом о Литургии², который, по его словам, представляет не ученое исследование, а ряд размышлений о Евхаристии на основании личного опыта. В двенадцати главах автор последовательно изъясняет Литургию как таинство евхаристического собрания, конечная цель которого «во вхождении Церкви на небо, исполнение ее за трапезой Христовой, в Его Царстве», согласно завещанию Самого Господа (Лк. 22, 29–30)³. Отстаиваясь на раскрытии представления о Евхаристии как «Таинства собрания», о. Александр вслед за прот. Н. Афанасьевым⁴ настаивает на сослужении предстоятелю всех, а не только духовенства. Именно в этом, по его убеждению, выявляется соборный характер Евхаристии⁵. В главе о Евхаристии как о «Таинстве царства» проводится различие между изобразительным символизмом (западного происхождения), практически отвергающим связь с реальностью, и православным символизмом, который, наоборот, такую связь устанавливает, ибо в нем «сама реальность познается как прежде всего исполнение символа, а символ как исполнение реальности»⁶. Под знаком соборности и реального символизма здесь рассматриваются все основные священнодействия Литургии. В конце своего труда прот. А. Шмеман выражает убеждение в том, что подлинное возрождение Церкви начнется с возрождения евхаристического»⁷.

На этом беглый и далеко неполный обзор литургических трудов можно завершить. Но все же нужно отметить, что есть еще немало таких работ, которые раскрывали смысл и значение православного богослужения. К числу их, например, относится труд А. Н. Муравьева, изъясняющий всенощное бдение и Литургию, службы Великого поста и Пасхи, Таинства, праздники и некоторые чинопоследования, выдержавший 12 изданий⁸. Нельзя обой-

¹ Шмеман А., прот. Великий пост. Перевод м. Серафимы (Осоргиной). М., 1993. 111 с. Первое русское издание вышло в Париже в 1981 г.

² Шмеман А., прот. Евхаристия. Таинство Царства. М., 1992. 304 с.

³ Указ соч. Изд. 2. С. 26.

⁴ Афанасьев Н., прот. Трапеза Господня. Рига, 1992. С. 46–59. Первое издание этого труда вышло в Париже в 1952 г.

⁵ Шмеман А., прот. Евхаристия. С. 11–16 и далее.

⁶ Там же. С. 33–42, ср. С. 298–299.

⁷ Там же. С. 298.

⁸ Муравьев А. Н. Письма о богослужении. Изд. 1. СПб., 1836; изд. 10. К., 1873; изд. 12. СПб., 1894. 370 с. Его же. Попечение Православной Церкви о спасении мира. Изд. 4. СПб., 1894. VII.

ти молчанием двухтомное сочинение прот. Г. Дебольского, в котором рассматриваются праздники двенадцатые, в честь 67 икон Божией Матери, в дни памяти святых, службы недель Постной и Цветной Троицы и др. С 1837 по 1901 г. оно выдержало 10 изданий¹. Надлежит упомянуть и объемистый сборник бесед свещ. Г. Дьяченко о богослужении. Хотя этот труд имеет компилятивный характер, но в нем скрупулезно собрано множество различных литургических сведений².

Еще недостаточно изучены литургические размышления св. прав. Иоанна Кронштадтского, хотя уже имеются опыты систематизации его воззрений³.

Есть и такие работы, которые хранятся в рукописях или в машинописи. Можно, например, назвать кандидатское сочинение Извекова И. «Октоих как нравоучительной памятник» (СПбДА, 1906. 154 л. рукоп.) и размышления митр. Вениамина (Федченкова) на семь двенадцатых праздников, на Пасху, на Обрезание Господне (б/м, б/г машинопись).

В числе изданных в XX в. работ должны быть упомянуты «Чтения по литургическому богословию» еп. Вениамина (Милова)⁴ и «Церковь Духа Святого» прот. Н. Афанасьева⁵.

В наших журналах содержится немало литургических статей, ознакомление с которыми тоже необходимо для объективного обзора истории и оценки развития литургической науки⁶.

¹ *Дебольский Г., прот.* Дни богослужения Православной Кафолической Восточной Церкви. Изд. 9. СПб., 1894; изд. 10. СПб., 1901. Т. 1. XVI. 664 с.; Т. 2. 334 с.

² *Дьяченко Г., свещ.* Общедоступные беседы богослужении Православной Церкви, приспособленные к живой церковной проповеди, внебогослужебным собеседованием с народом и семейному чтению христиан. Со многими церковно-археологическими, церковно-историческими, догматическими, нравственными и иными приложениями. М., 1898. 1143 с.

³ Литургические воззрения св. Иоанна Кронштадтского неоднократно издавались в извлечениях из его «Дневника», например, прот. И. Сергиев. Мысли о Богослужении Православной Церкви. М., 1894. Одним из опытов систематизации является работа митрополита Вениамина (Федченкова) «Небо на земле». Св.-Ильинское изд., 1978. Первый раз работа была издана в Париже до возвращения автора в Россию (1948 г.).

⁴ *Вениамин (Миров), еп.* Чтения по литургическому богословию. Брюссель, 1977. 344 с. Работа составлена только на основании богослужебных текстов.

⁵ *Афанасьев Н., прот.* Церковь Духа Святого. Париж, 1971. IX. 332 с. Рижское изд. 1994 г. содержит 328 с. В книге немало литургического материала. См., например, гл. III. Служение лаиков в области священнодействия (С. 41–60 по рижскому изд.); ср. его же: Трапеза Господня. Рига, 1992. С. 46–59.

⁶ Для примера можно назвать следующие статьи: митр. *Никодим (Ротов)*. Святая Евхаристия – таинство жизни Церкви // ЖМП. № 4. 1974; еп. *Дионисий (Лукин)*. Богослужения Великого Поста как путь души христианской через Голгофу к Воскресению // ЖМП. № 4. 1967; свещ. *И. Белевцев*. Идея мира в Литургии // ЖМП. № 4. 1961.

В поле зрения литургиста должны находиться и труды представителей других Православных Церквей и инославных авторов¹.

Весь этот обширный материал необходимо изучить, тщательно исследовать, чтобы, с одной стороны, ясно представлять достижения православного литургического богословия, а с другой – иметь возможность беспристрастно судить об изысканиях западных литургистов.

Литургика как наука прошла сложный путь. В системе богословского образования она долгое время не считалась самостоятельным предметом, и только во второй половине XIX в. ей уделяется больше внимания. Н. Н. Глубоковский считает, что фактическая история литургической науки начинается с Устава 1869 г., учредившего кафедру церковной археологии и литургики «в достоинстве равноправных предметов в научно-богословской системе»². Однако должно было пройти некоторое время, чтобы появились серьезные труды в этой области. Следует также учесть, что перед духовной школой стояли не одинаковые задачи в деле преподавания литургики. Для питомцев семинарии требовалось предлагать систематический курс с наибольшим охватом литургических вопросов. Академия же не была стеснена рамками учебных программ, и потому здесь предоставлялась возможность для чтения лекций по избранной тематике с углубленным научным исследованием отдельных литургических проблем. Это, например, видно из лекций профессора А. Голубцова, который видит свою задачу не в изъяснении богослужения, а в определении его исторических основ, «в разъяснении его исторических форм и генезиса»³. Такая постановка преподавания стала возможной только в связи с развитием исторической литургики.

Совсем иная задача стояла перед пастырями Церкви, которые обязаны были в популярной форме раскрывать смысл совершаемых в храме богослужений. Наиболее наглядным примером в этом отношении служат упомянутые выше общедоступные беседы свящ. Г. Дьяченко, которые можно назвать практической литургией для народа.

Что же касается собственно литургического богословия с его целями и задачами, отмеченными выше, то оно должно занять подобающее место в богословском образовании высшего уровня. Для развития данной науки имеется достаточный фундамент, заложенный корифеями отечественной школы литургистов. Однако

¹ Отметим здесь хотя бы две работы. *Митр. Иоанн Зизиулас*. Евхаристия: некоторые библейские аспекты. «Символ», 24. Париж, 1990. С. 9–56; *Жан-Мари-Роже Тийар*. Евхаристия и Церковь. Там же. С. 57–104.

² *Глубоковский Н. Н.* Указ. соч. С. 64.

³ *Глубоковский Н. Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 4.

при этом должны использоваться научные исследования из других областей. Архим. Киприан, например, указывает на необходимость связи литургического богословия с патристикой и иконописью¹. Материалами церковной археологии пользуется прот. А. Шмеман, который, в частности, говорит, что эволюция «места и значения храма» сыграла значительную роль в процессе «прорыва» мистериальной религиозности². Чтобы согласиться с таким мнением (как и с другими суждениями по поводу храма и «храмового благочестия»), откорректировать его или опровергнуть, естественно, требуется тщательное изучение столь непростого вопроса на основании церковно-археологических исследований. О тесной связи между церковной археологией и литургией довольно убедительно говорит проф. А. Голубцов³. Даже в семинарском учебнике архим. Гавриила уделяется немало внимания сведениям из области церковной археологии и иконографии⁴.

Надлежит также остановиться несколько на символическом толковании богослужения. Довольно часто выражается пренебрежительное, скептическое и даже отрицательное отношение к символике⁵. Но при этом не приводятся убедительные аргументы. Конечно, и сама символика должна иметь веские обоснования. Имеющие место искусственные толкования не могут служить причиной неприятия символизма. Ведь символическое толкование является историческим феноменом, который невозможно отрицать. Тем более, что символика укоренена в святоотеческой традиции, которая в свою очередь зиждется на апостольском предании и Священном Писании.

Важным свойством святоотеческого символизма является его тесная связь с реальностью. «Созерцание мысленного в символах при помощи видимого, – говорит преп. Максим Исповедник, –

¹ Архим. Киприан (Керн). Литургия. С. 9–10.

² Прот. А. Шмеман. Введение в литургическое богословие. С. 130, см. также С. 131–139.

³ Голубцов А. Из чтений по археологии и литургии. Ч. 1. С. 10–12; ч. 2. С. 1–3.

⁴ См. его Руководство по литургии. Гл. V (С. 272–319), гл. VI (С. 320–347); гл. VII (С. 348–377).

⁵ Прот. А. Шмеман, например, считает искусственным толкование Литургии как символического изображения земной жизни Спасителя. См. его Введение в Литургическое богословие. С. 114, ср. С. 39. Он также говорит, что изобразительно-символическое восприятие Евхаристии «выражает мистериальное перерождение литургического благочестия». Там же. С. 147. При этом в качестве примера делает глухую ссылку на Николая Кавасилу, у которого, между прочим, читаем следующее: «совершаемое при священнодействии Св. Даров все имеет прямое отношение к домостроительству Спасителя, и это с той целью, чтобы созерцание этого домостроительства, находящегося как бы у нас перед глазами, освящало наши души и таким образом мы делались способными к принятию Св. Таин». Изъяснение Божественной Литургии. Гл. 1. Писания... Т. III, СПб., 1857. С. 296.

есть вместе духовное познание и уразумение видимого посредством невидимого: потому что вещи, которые объясняют одна другую, необходимо должны иметь на себе совершенно точные и явственные отражения одна другой, и связь между ними должна быть неразрывная»¹. Такой взгляд на символ определяет верный подход к изъяснению богослужения. Из этого вытекает необходимость для литургиста «определить природу и сущность литургического символа и его места в богослужении»², всегда памятуя, что «уподобление бывает, по словам св. Кирилла Иерусалимского, только в образе, а спасение в самой вещи», ибо спасение – не подобие, «но сама действительность»³.

Проф. А. Голубцов справедливо считает, что мистические и аллегорические толкования нельзя считать досужим вымыслом, потому что в них содержится исторический материал. Следует только вдумчиво относиться к этим толкованиям и, учитывая особенности языка и способы выражения мысли, присущие времени жизни толкователей, уяснить их подлинный смысл⁴.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть высказанную выше мысль о необходимости тщательного изучения всего сделанного предшественниками в литургической области. Без объективной оценки этой богатой сокровищницы трудно будет уверенно идти вперед в деле поступательного органичного развития литургической науки.

¹ Преп. Максим Исповедник. Тайноводство. Гл. 2. Писания Свв. Отцов... Т. 1. С. 306; ср. прот. А. Шмеман. Евхаристия. С. 33–42, 298–299.

² Прот. А. Шмеман. Введение... С. 24.

³ Св. Кирилл Иерусалимский. Тайноводственные поучения 2, п. 5 и п. 7. Творения. Изд. 2, Сергиев Посад, 1893. С. 287, 288.

⁴ Проф. А. Голубцов. Указ. соч. Ч. 2. С. 4–5.